

малому предпринимательству, о необходимости того что делается. Государство должно выступать гаран-

ится, но мало-
их слоев насе-

Технологическая составляющая обнаруживает знания, кото-
рые дает для производства развитие науки и техники и подкомплекс
се повысить производство можно за счет уточнения с учетом ры-
ночных условий, развития специализированных зон выращивания. С другой стороны, увеличение
сырьевых ресурсов зерна можно осуществлять посредством повышения плодородия земель, вос-
становления посевных площадей зерновых культур (по крайней мере, до уровня начала 90-х гг.
XX в.). Применение при производстве более совершенных технических средств может способст-
вовать сокращению издержек.

Таким образом, очевидна острая необходимость активного государственного участия в ре-
гулировании экономических процессов регионального агропромышленного комплекса. Государ-
ственное регулирование следует проводить комплексно, воздействуя на экономическую, право-
вую, политическую, социальную и технологическую составляющие, реализуя определенный набор
задач в каждой из них. В вышеперечисленных составляющих, впрочем, имеется ряд специфиче-
ских проблем, требующих внимательного рассмотрения и разрешения (например, обеспечение
эффективного функционирования системы налогообложения, товарных бирж, кредитной системы,
ценообразования и т. д.). Этот факт необходимо учитывать при решении последовательности за-
дач в составляющих системы воздействия на АПК региона.

Литература

1. Антикризисное управление (учебник) / Под ред. Э.М. Короткова. – М.: ИНФРА – 2000. – 432 с.
2. Антипов И.М. Важное звено оптового рынка // АПК: Экономика, управление. – 1992. – № 10. – С. 54–55.
3. Антонян А.П. Формирование и развитие системы оптовых продовольственных рынков на Среднем Урале: дисс. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург: УрГСХА, 1999. – 172 с.
4. Апарин И.В., Кундиус В.А., Лобова С.В. Организационно-экономический механизм госу-
дарственного регулирования АПК в условиях многоукладной экономики. – Барнаул: ГИПП «Ал-
тай», 2000. – 222 с.

УДК 338.43

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В.П. Мотревич, д. и. н., проф., Уральская ГСХА

Аннотация

Показано состояние материально-технической базы сельского хозяйства на Урале в годы Великой Отечественной войны, характеризуются принимавшиеся центральными и местными органами власти и управления меры по сохранению техники и транспорта в рабочем состоянии.

Ключевые слова: *машинно-тракторные станции, тракторы, комбайны, механизация, ремонтная база, хранение техники, горюче-смазочные материалы, альтернативные виды топлива, электрификация.*

Keywords: *machine-tractor stations, tractors, combines, mechanization, repair station, technics storing, fuels and lubricants, alternative fuel sorts, electrification.*

Под материально-технической базой сельского хозяйства в широком смысле понимаются все основные и оборотные средства производственного и непроизводственного назначения, участвующие прямо или косвенно в производстве продукции и в обслуживании сельскохозяйственных

отраслей производства. В узком смысле имеются в виду лишь механизированные средства производства. В данной работе это понятие употребляется преимущественно в узком смысле.

В 1930-е гг. в результате проведенной в СССР коллективизации сложная сельскохозяйственная техника, которой пользовались колхозы, сосредоточивалась на государственных предприятиях – МТС.

МТС и колхозы были в производственном отношении самостоятельны. Взаимоотношения их регулировались на основании утвержденного СНК СССР в январе 1939 г. типового договора. МТС брали на себя обязательства по производственно-техническому обслуживанию колхозов и оказанию им помощи в организационно-хозяйственном укреплении. Колхозы, в свою очередь, должны были выполнять все предусмотренные договором агротехнические мероприятия, своевременно рассчитываться с МТС.

Для тракторной бригады, работавшей на полях, правление колхоза должно было создать нормальные производственные условия. Оно выделяло колхозников для обслуживания тракторных бригад (прицепщиков, возчиков воды и горючего, кухарок, сторожей), организовывало своевременное снабжение водой и горючим, создавало полевые станы на отдаленных полях, обеспечивало охрану имущества тракторных бригад, подготавливало участки для их работы и т. д. [1].

Важное значение для улучшения деятельности МТС имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 января 1939 г. «О работе машинно-тракторных станций» [2]. В соответствии с ним вводился поквартальный порядок финансирования МТС с учетом выполнения производственного плана. В предвоенные годы большое значение уделялось укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, куда направлялись большие средства. Если в годы первой пятилетки в ее развитие было вложено 1,5 млрд руб., то во второй – 6,3, а в третьей – 5 [3].

МТС обслуживали основную часть (83,9%) колхозов СССР [4]. На Урале удельный вес таких артелей был еще выше: в Пермской обл., например, – 90,7%, в Оренбургской – 99,9% [5]. Роль машинно-тракторных станций для колхозов Урала, а также Сибири при многоземельности хозяйств и нехватке рабочих рук была особенно велика.

За работу МТС колхозы производили натуроплату зерном и обеспечивали гарантированную и достаточно высокую оплату механизаторам. Поэтому некоторые артели противились машинной обработке земли, стремясь обработать поле своими силами и побольше заплатить колхозникам. Но такая практика решительно пресекалась.

Во второй половине 1930-х гг. тракторный парк в сельском хозяйстве вырос качественно, заметно изменилась его структура. В СССР увеличился выпуск мощных гусеничных тракторов, а производство устаревших образцов было прекращено. Тракторный парк пополнился за счет высокопроизводительных гусеничных машин. Впервые появились газогенераторные тракторы, работавшие на более дешевом твердом топливе.

В 1940 г. на Урале в составе тракторного парка имелись все восемь типов машин отечественного производства. Среди них преобладали колесные тракторы. Среди колесных 26,9 тыс. составляли тракторы средней мощности СХТЗ и 3,2 тыс. – пропашные малой мощности («Универсал-1» и «Универсал-2»). Удельный вес колесных тракторов в составе парка был на Урале намного выше (74,4%), чем в среднем по стране (56%). Существовавшая разница объяснялась тем, что мощную гусеничную технику направляли в первую очередь в основные сельскохозяйственные районы страны: Центрально-Черноземный район, в Поволжье, на Украину, Кубань и др.

Парк гусеничных тракторов состоял на Урале из СХТЗ–НАТИ (1,5 тыс.) и ХТЗ–Т2Г (0,9 тыс.), а также мощных машин ЧТЗ–С-60 (4,7 тыс.), ЧТЗ–С-65 (1,3 тыс.), ЧТЗ–СГ-65 (0,4 тыс.) [6]. По сравнению с колесными, гусеничные тракторы обладали большей экономической эффективностью и производительностью.

Основная часть машин была сильно изношена. В Оренбургской обл. 68%, а в Челябинской 80% тракторов были завезены до 1937 г. [7]. Техника была устаревшей не только физически, но и морально. Производство колесных тракторов СХТЗ было прекращено еще в 1937 г., гусеничных тракторов С-60 с лигроиновым двигателем – в 1935-м, тракторов «Универсал» – в 1940-м, а газогенераторных тракторов ХТЗ–Т2Г – в 1941 г. [8]. Эта устаревшая техника составляла в 1940 г. 92% тракторного парка, занятого в сельском хозяйстве.

Основной частью техники владели МТС. В 1940 г. из 38,9 тыс. тракторов, работавших в сельском хозяйстве, 31,7 тыс. принадлежали МТС, 6,5 – совхозам, 0,6 – подсобным хозяйствам промышленных предприятий и учреждений и 0,1 – колхозам [9]. В МТС было сосредоточено 16 тыс. комбайнов, 2,7 тыс. грузовых автомобилей и другая техника.

Перед войной улучшилась обеспеченность тракторного парка прицепным инвентарем, что несколько уменьшило диспропорцию между ним и численностью тракторов. Однако не была создана необходимая инфраструктура для обеспечения хранения и ремонта машин.

В условиях войны необходимо было перестроить народное хозяйство страны на военный лад, создать крепкий тыл, обеспечить население и армию продовольствием, а промышленность – сырьем. Через неделю после начала войны был принят первый план военного времени – «Мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 г. В августе было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [10]. Подготовленный комиссией Госплана СССР военно-хозяйственный план представлял собой программу развития военно-экономической базы на востоке страны.

На основе принятых планов началась перестройка народного хозяйства применительно к условиям военного времени. Производство тракторов, сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним было свернуто. На протяжении 1942–1943 гг. пополнения тракторного парка новыми машинами практически не было. Часть тракторов, в основном гусеничных, была передана в РККА. Количество комбайнов уменьшилось незначительно, так как их не отправляли на фронт. На уборке колхозы испытывали большие трудности, особенно из-за нехватки автотранспорта.

Транспорт – важное звено в механизации сельского хозяйства. 30 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об автотракторном и гужевом транспорте, поставленном для Красной Армии» [11]. Весь изъятый в порядке мобилизации транспорт принимался Наркоматом обороны от государственных и общественных организаций бесплатно, а от колхозов и отдельных лиц – за плату. В течение 1941–1942 гг. число грузовых автомашин в колхозах Урала уменьшилось на 94% [12].

В этих условиях часть транспортных работ в колхозах должны были выполнять МТС. Убыль техники из сельского хозяйства была частично восполнена за счет ее эвакуации на Урал из западных областей СССР. В 1942 г. по сравнению с предыдущим годом число тракторов в МТС несколько возросло. В дальнейшем их количество стало последовательно сокращаться.

Выполнение в агротехнические сроки всего комплекса полевых работ требует, чтобы наличному тракторному парку соответствовало необходимое количество прицепных сельскохозяйственных машин различного назначения. Прекращение поставок техники привело к сокращению их численности. Однако процент обеспеченности МТС сельскохозяйственными машинами из-за уменьшения числа тракторов остался на довоенном уровне. В 1940 г. в расчете на 100 условных 15-сильных тракторов приходилось в среднем 86 плугов, 40 культиваторов, 51 зерновая сеялка, в 1945 г. – соответственно 86, 43, 51.

В предвоенные годы темпы строительства МТС намного опережали развитие их ремонтной базы. По данным на 1941 г., в стране на один ремонтный завод приходилось 140 МТС, а на одну машинно-тракторную мастерскую – свыше 850 тракторных и 300 комбайновых моторов [13]. В большинстве МТС не было гаражей и навесов, многие не имели своих мастерских; остро не хватало инструментов и оборудования.

Изношенность техники при усилении эксплуатации в суровых климатических условиях края приводила к частым поломкам машин. Это обусловило повышенную потребность в запасных частях, поступление которых уменьшилось. В 1940 г. запасных частей для МТС страны было произведено на 481 млн руб., а в 1942 г. – на 67 млн. В результате, если в 1940 г. в Челябинской обл. МТС получили 62% необходимых по норме запасных частей, то в 1941 г. – 31, а в 1942 г. – 30% [14].

Тракторный парк не обновлялся и нуждался в ремонте больше, чем раньше. В то же время снабжение МТС запасными частями сократилось за годы войны в 5 раз [15].

Из-за недостатка запасных частей и слабой ремонтной базы сотни машин оставались неотремонтированными. Весь 1941 г. в МТС области не работало 285 тракторов. К концу 1943 г. число подлежащих выбраковке машин достигло 359 (8,7% от их общего числа) [16].

Процесс замены устаревших и изношенных машин происходил очень медленно. Чтобы МТС могла выбраковать устаревший трактор, необходимо было акт об этом утвердить в областном земельном отделе, в Наркомате земледелия республики и Наркомате земледелия СССР. На это уходило 1–2 года. До оформления документов на списание техники МТС колхозы вынуждены были использовать морально устаревшие и физически изношенные тракторы, поскольку на них планировалась нагрузка [17].

Частые простои техники были связаны и с нехваткой горюче-смазочных материалов. Уже летом 1941 г. их поступление заметно уменьшилось. Если в 1940 г. в СССР на трактор приходи-

лось в среднем по 8,1 т горючего, то в 1941 г. – 6,3 т. В IV квартале 1941 г. в Челябинской обл. МТС недополучили 48% лигроина, 54% бензина, 71% автола, 86% солидола и т. д. [18].

Недостаток горюче-смазочных материалов остро ощущался и в последующие годы. Их дефицит в сочетании с изношенностью техники приводил к ухудшению использования машин. Производительность тракторного парка МТС за 1941–1943 гг. снизилась на Урале на 45,7% (в целом по СССР – на 51,8%).

Использование техники в различных областях было неодинаковым и зависело от структуры машинно-тракторного парка, уровня материально-технического снабжения, обеспеченности механизаторскими кадрами, их квалификации, природно-климатических условий и т. д. Производительность тракторного парка заметно колебалась даже в пределах областей. Так, МТС, расположенные в северных и северо-западных районах Свердловской области, обслуживали преимущественно мелкие колхозы с дробными пахотными участками. Местность там лесистая, с пересеченным рельефом, поэтому выработка в расположенных в этих районах МТС – Гаринской, Надеждинской, Таборинской, Шамарской – была, как правило, ниже среднеобластной.

Падение производительности тракторного парка вело к уменьшению объема работ МТС на колхозных полях. Невыполнение производственных планов во многом объяснялось несовершенством существующего порядка финансирования МТС. Как уже указывалось, перед войной они были полностью переведены на государственный бюджет. Это укрепило финансовое положение МТС. Однако перевод на полный госбюджет привел к потере связи между производственной деятельностью МТС и конечным итогом их работы – урожайностью. Работа стала планироваться и, как правило, оцениваться по количеству выработанных гектаров. В результате те МТС, которые не укладывались в агротехнические сроки, находились в одинаковом положении с передовыми предприятиями.

Заметно возросла себестоимость тракторных работ. В Оренбургской обл. себестоимость одного гектара «мягкой пахоты» увеличилась с 30 руб. в 1940 г. до 42 руб. в 1945 г. В Свердловской обл. она возросла с 36 до 47 руб. В результате предприятия несли большие убытки. В 1943 г. только в Свердловской обл. они превысили 3 млн руб. [19].

Рост убытков заставлял МТС любой ценой добиваться снижения себестоимости тракторных работ. И они в первую очередь стремились выполнять легкие работы – боронование, культивацию – и плохо соблюдали требования агротехники. Отсюда и распространенность мелкой пахоты, при которой снижался расход горючего.

Сокращение деятельности МТС поставило колхозы в сложное положение. И перед войной на Урале была высокая нагрузка посевных площадей. Если в 1940 г. в СССР на 1 трудоспособного колхозника приходилось 3,4 га посева, а на 1 лошадиную силу живой и механической тяги – 6,2 га, то на Урале – соответственно 5,8 и 6,5. С такой нагрузкой колхозы справлялись за счет механизации. В условиях войны механизация сельскохозяйственных работ снизилась. В связи с этим характерен пример колхозов Пермской обл. Если в 1940 г. удельный вес механизации при проведении полевых работ составлял в них 53%, то в 1943 г. – 22 (в том числе работы весеннего периода были механизированы на 29, летнего – на 27, осеннего – на 13%) [20].

Снижение механизации на Урале нечем было компенсировать, так как в энергоресурсах сельского хозяйства края преобладали тракторы, комбайны и грузовые автомашины. В 1940 г. в составе тяги удельный вес тракторов был равен на Урале 65%, в то время как в Центре – 40, в Сибири – 57% [21].

В годы войны, когда новая техника почти не поступала, необходимым условием деятельности МТС явились организация своевременного ремонта, снабжение запасными частями и горючим. Однако промышленность, перестраиваясь на военный лад, не могла удовлетворить потребности села. В этих условиях для сохранения техники в работоспособном состоянии требовалось принимать срочные меры. Одним из путей решения проблемы стало движение за реставрацию запасных частей. Важную роль в его возникновении сыграл комсомол. 20 января 1942 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О выявлении и сборе комсомольскими организациями запасных частей для тракторов и других сельскохозяйственных машин» [22].

ЦК ВЛКСМ одобрил инициативу комсомольцев и молодежи по выявлению запасных частей, инструмента и металла для ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин и обязал все комсомольские организации широко ее распространять. Для сбора запасных частей создавались бригады в составе 3–5 наиболее инициативных комсомольцев.

Принимаемые меры позволили частично заменить недостающие запасные части, однако реставрация запасных частей не принесла желаемых результатов. Зимой 1942–1943 гг. в Челябинской обл. Каракульская МТС была передовой по реставрации деталей и ремонту техники. Но уже

на весеннем севе оказалось, что реставрированные запасные части стали причиной больших поломок. В Тюбукской МТС этой же области, наоборот, при ремонте запасные части почти не применялись. И по сравнению с Каракульской МТС производительность тракторного парка была в Тюбукской МТС в 2 раза выше [23].

Восстановленные запасные детали быстро изнашивались, приводили в негодность взаимодействующие с ними детали. В результате машинно-тракторный парк работал на износ.

Осенью 1942 г. в целях изыскания дополнительных источников получения запасных частей в каждой области создавались постоянные комиссии для выявления изношенных автомобилей и списания их с баланса хозяйств. С помощью различных мер пытались решить проблему запасных частей и в последующие годы. Так, в ноябре 1944 г. СНК СССР обязал Главное управление трофейного вооружения НКО СССР беспрепятственно отпускать со своих баз представителям местных органов Наркомзема СССР для ремонта техники детали разбитых тракторов и автомашин, поступающих с фронта, а также разрешил брать для ремонта запасные части и отдельные механизмы тракторов и автомашин, не требующихся для Красной армии [24].

В обстановке ухудшения деятельности МТС в стране стали широко применяться чрезвычайные меры. В начале 1943 г. СНК СССР и ЦК партии предупредили председателей облисполкомов и первых секретарей обкомов об их персональной ответственности за своевременную подготовку сельскохозяйственной техники к весенним полевым работам. Усилилось применение административных мер и на местах. На состоявшемся в марте 1943 г. XVI пленуме Свердловского обкома ВКП(б) директора и начальники политотделов многих МТС были предупреждены о том, что виновные в провале ремонтных работ будут строго наказываться за срыв весеннего сева в военное время [25].

Однако принимаемые меры далеко не всегда приносили желаемые результаты, качество ремонта по-прежнему оставалось низким. В 1943 г. в Березинской МТС Челябинской обл. из 61 трактора удалось отремонтировать лишь 20 [26]. ЦК ВКП(б) обратил внимание 1-го секретаря обкома И.С. Патоличева на неудовлетворительное руководство ходом ремонта.

Однако было очевидно, что одними административными мерами, без запасных частей, проблему не решить. Поэтому в ноябре 1943 г. ЦК ВКП(б) потребовал от партийных организаций провести своевременный ремонт тракторов, обеспечить производство запасных частей для сельского хозяйства, послать в помощь селу бригады квалифицированных рабочих и инженеров [27].

Промышленные предприятия Урала оказывали селу большую поддержку. Еще в начале 1942 г. Свердловский обком партии рекомендовал организациям распространить инициативу Уральского завода тяжелого машиностроения, взявшего шефство над двумя МТС Белоярского района [28]. Завод посылал в Баженовскую и Логиновскую МТС станки и инструменты, направлял бригады ремонтных рабочих.

Почин поддержали трудовые коллективы других областей Урала. Шефская помощь промышленных предприятий способствовала ускорению ремонтных работ, повышению их качества. Расчеты показывают, что в 1943 г. мощность работавшего тракторного парка в процентном отношении ко всей его мощности составила в Центре – 88%, в Поволжье – 89, на – Урале 93% [29]. Высокий удельный вес действующего тракторного парка на Урале объяснялся наличием развитой индустрии. Это обеспечивало решение проблемы запасных частей и позволяло в широких масштабах посылать на село рабочих для ремонта техники.

Серьезные трудности в 1930–40-е гг. МТС испытывали при хранении техники. В ряде МТС после окончания полевых работ все тракторы и сложные сельскохозяйственные машины доставлялись на центральные усадьбы, где их очищали от грязи и пожнивных остатков, снимали с комбайнов полотна, транспортеры, ремни, цепи и хранили их в сухих складских помещениях. Технику ставили в сараи или под навесы, а в тех случаях, когда помещений не было, отводили площадки для безгаражного хранения, машины обкладывали деревянными щитами или соломенными матами. Простейшие сельскохозяйственные машины, не требующие сложного ремонта, после приведения их в порядок передавались в колхозы под сохранные расписки их правлений.

Однако наличие большого количества техники требовало огромных капиталовложений для строительства гаражей, сараев, навесов. Колхозы их не строили, ссылаясь на то, что машины не являются их собственностью. МТС на зиму свозили технику на свои усадьбы и, не имея достаточного количества помещений, часто хранили ее под открытым небом. Это усиливало физический износ машин. Не очищенные от грязи металлические части машин, особенно, если они не были закрыты от атмосферных осадков, быстро ломались и требовали ремонта. В полную негодность приходили оставленные под открытым небом различные ремни и полотна, а также семяпроводы у сеялок.

Не имея достаточных транспортных средств, многие МТС после завершения сельскохозяйственных работ стали оставлять технику в поле. В 1942 г. на колхозных полях оставили все свои тракторы и комбайны Батуринская и Ларинская МТС Челябинской обл. [30]. К весне машины оказались полностью разукомплектованы и потребовали капитального ремонта.

Учитывая многочисленные факты, когда МТС оставляли технику под открытым небом, а часто и прямо в поле, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в ноябре 1942 г. приняли постановление «О хранении тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС». В нем указывалось на необходимость доставки техники на усадьбы МТС и подготовки ее к зимнему хранению.

С этой же целью приказом Наркомзема СССР от 29 ноября 1942 г. № 402/м был введен инспекторский контроль за хранением тракторов и сельскохозяйственных машин в МТС [31]. Инспекторам (из состава инженерно-технических работников областных земельных отделов) предоставлялось право производить денежные начеты в размере от 50 до 250 руб. на работников МТС (директоров, механиков, зав. нефтебазами, кладовщиков), виновных в бесхозяйственном хранении тракторов, сельскохозяйственных машин, запасных частей и горючего.

Соответствующие меры принимались и на местах. Челябинский обком ВКП(б) запретил МТС оставлять в поле технику и горючее без охраны и работать на неисправных машинах. Для своевременного ремонта обком рекомендовал организовать круглосуточную работу. Однако добиться серьезного улучшения в хранении техники из-за отсутствия необходимых средств не удалось. Весной 1943 г. на полях оставались сотни комбайнов, большинство из которых к весне оказались разукомплектованными. Неудовлетворительно хранилась техника и в совхозах. В ходе проведенной проверки оказалось, что только в Магнитном зерносовхозе Челябинской обл. в течение 1943–1944 гг. были полностью разукомплектованы 20 комбайнов [32].

Одной из мер по улучшению хранения техники было наведение порядка на усадьбах МТС. В октябре 1944 г. Челябинский обком партии принял специальное постановление «О проведении месячника по наведению порядка и культуры на усадьбах МТС». В ходе месячника ремонтировались производственные и жилые помещения, устранялась захлапленность территории, возводились постройки для хранения машин. К участию в месячнике были привлечены не только работники МТС, но и колхозники. Все это способствовало сохранению техники в исправном состоянии [33].

Летом 1942 г. во время сражений под Сталинградом и на Кавказе серьезно осложнилось положение с горючим. Снабжение им сельского хозяйства ухудшилось. Нарком земледелия СССР И.А. Бенедиктов обязал наркомов земледелия союзных республик, областные и районные земельные отделы, директоров МТС уменьшить нормы расхода горючего не менее чем на 10% против их фактического расхода на гектар тракторных работ [34].

Сокращение фондов горюче-смазочных материалов требовало принятия целого комплекса мер по их экономии. Огромные резервы заключались в организации нефтяного хозяйства МТС. На их нефтебазы горючее поступало со складов Главнефтьсбыта, затем его развозили на заправочные пункты тракторных бригад. Оттуда перевозили к участкам работы тракторных бригад и, наконец, заливали в баки тракторов.

На этом пути случались большие потери горючего, так как его неоднократно переливали в разную по емкости тару. Для сокращения потерь отпуск горючего и масел с нефтебаз в неисправную тару был запрещен. Запретили и хранение нефтепродуктов в неисправной таре, а также под открытым небом. В некоторых МТС передовые тракторные бригады, имевшие постоянные полевые станы, стали строить и оборудовать погреба для хранения горючего. Осенью 1941 г. только в Свердловской обл. построили 274 погреба, а все бочки для горючего стали закрывать железными пробками [35].

К виновным в нерациональном расходовании горючего принимались строгие меры. Так, 20 июня 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об экономии и ликвидации разбазаривания горючего в МТС и совхозах». В нем предусматривалось наложение штрафов на механизаторов за перерасход горючего в размере его пятикратной стоимости. Заведующие нефтехозяйствами МТС и колхозники-возчики за недостачу горючего несли материальную ответственность в размере его десятикратной стоимости. Продажа и обмен нефтепродуктов рассматривались как преступление, а виновные привлекались к уголовной ответственности [36].

В конце войны от практики наложения крупных штрафов стали постепенно отказываться. В феврале 1945 г. Наркомзем СССР издал приказ № 1092, в котором предложил областным земельным отделам списывать штрафы с механизаторов в тех случаях, когда пережог горючего произведен не по их вине. Но и после этого штрафы оставались весьма распространенным явлением. В 1945 г. только в Свердловской обл. их сумма составила 762 тыс. руб. [37].

В начальный период войны с целью экономии горючего часть техники стали переводить на местное топливо – дрова, торф, уголь. Осенью 1942 г. Наркомзем СССР установил для каждой области план перевода техники на твердое топливо, однако деньги на создание производственной базы по переоборудованию техники своевременно не перевел. Высылка необходимых инструкций и чертежей также была задержана. Отсутствовали в МТС и материалы, необходимые для такого переоборудования [38].

Перевод машин на новое топливо, особенно в условиях жесткого фондируемого снабжения, оказался весьма сложным делом. Даже многие промышленные предприятия, не говоря уже о МТС, с ним не справились. В Свердловской обл. изготовление газогенераторных установок было поручено 22 предприятиям, из них только 8 выполнили задание. Перевод техники на новое топливо затянулся. Газогенераторные тракторы стали выполнять даже меньший объем работ, чем до войны. В 1943 г. он составил 70%, а в 1944 г. – 84% от уровня 1940 г. В Свердловской обл. они выполнили 7% объема тракторных работ МТС. Лишь в отдельных областях СССР, в частности Горьковской, их роль была выше. В 1943–1944 гг. газогенераторные тракторы там выполняли 12–13% всех тракторных работ МТС [39].

Переводили технику и на другие виды топлива. Осенью 1941 г. в Свердловской обл. коллектив Невьянской МТС (директор Белоусов, начальник политотдела Андреев) выступил с предложением использовать в качестве топлива скипидар. В МТС было организовано производство скипидара, на котором работали легковые и грузовые автомашины. Инициативу поддержал Свердловский облисполком, но дальнейшего развития она не получила. В этой же области на Монетном механизированном лесопункте была построена смолоавтоматная установка [40]. Она позволяла получать автотракторный автол на основе древесной смолы.

Таким образом, в годы войны в стране предпринимались энергичные меры по экономии горюче-смазочных материалов. Не все они оказались удачными. Из-за сложности переоборудования машин и низкой производительности двигателей перевод техники на твердое топливо широкого распространения не получил. Тем не менее это позволило сэкономить для фронта многие тысячи тонн горючего.

В условиях снижения механизации важное значение приобрело правильное использование рабочего скота, его сохранение и подготовка к работе. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах» требовало покончить с обезличкой в их использовании [41].

За месяц до начала сельхозработ колхозы освобождались от трудгужповинности, рабочий скот ставился на усиленную подкормку и отдых. Привлекать скот из колхозов для выполнения каких-либо работ разрешалось лишь на основании постановлений СНК СССР [42].

Однако лошадей остро недоставало, поэтому в сентябре 1941 г. для обеспечения точного и полного выполнения планов по севу, уборке, подъему зяби и др. колхозам было предложено использовать на полевых работах всех волов, а в необходимых случаях – и коров [43].

В марте 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) рекомендовали колхозам установить для коров норму выработки в размере 1/3 от установленной для лошадей [44].

Когда не хватало коров из общественного стада, колхозники приводили своих. Так поступили члены сельхозартели «Красный флот» Бузукского р-на Оренбургской обл., где весной 1942 г. на пахоте работало 40 коров, находящихся в личном пользовании. Роль живого тягла была весьма значительна. В 1943 г. в колхозах тыловых областей СССР рабочий скот выполнял 47% пахотных, 70% посевных, 80% уборочных работ [45].

Коренной перелом в ходе войны создал предпосылки для укрепления экономики СССР. Постепенно стал увеличиваться выпуск техники для сельского хозяйства. В 1944 г. выпуск машин для села начали Владимирский, Липецкий и Сталинградский тракторные заводы. В тот год промышленность страны выпустила 6,3 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные). По сравнению с 1943 г., когда их изготавливал один Алтайский завод, производство тракторов в СССР возросло втрое. В июле 1945 г. на Челябинском заводе стали выпускать новый дизельный гусеничный трактор ЧТЗ-С80. На заключительном этапе войны возобновились поставки сельскому хозяйству грузовых автомашин и зерновых комбайнов.

Таким образом, если в начальный период войны поставки техники для сельского хозяйства систематически снижались, то в 1943–1944 гг. они постепенно стали увеличиваться.

На заключительном этапе войны большое распространение получило изготовление запасных частей непосредственно на промышленных предприятиях. Для этого на заводах стали создавать специальные цехи и участки. Для расширения выпуска запчастей и инструментов имело значение и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обеспечении запасными частями и материа-

лами ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин в I квартале 1943 г. и о расширении производства запасных частей на существующих заводах» [46]. В нем промышленным наркоматам предлагалось рассмотреть и утвердить соответствующие программы.

Производство запасных частей стало приравниваться к оборонным заказам. В 1944 г. к их изготовлению были привлечены промышленные предприятия всех наркоматов. В этом же году на Мотовилихинском заводе в Перми наряду с производством пушек был налажен выпуск коленчатых валов для тракторов, из-за отсутствия которых простаивало много техники [47].

Увеличилась и централизованная поставка запасных частей. Если в 1940 г. в Пермскую обл. завезли сельскохозяйственных машин, инвентаря и запасных частей на сумму 10,5 млн руб., в 1941 г. – на 9,9, в 1942 г. – на 3,4, то в 1943 г. – на 4,3, а в 1944 г. – на 9,9 млн руб. Это имело большое значение, прежде всего, для Курганской и Оренбургской обл.

В 1944 г. в Курганской обл., по сравнению с предшествующим годом, завоз запасных частей увеличился вдвое. Это позволило в широких масштабах осуществлять ремонт техники. В результате, если в 1943 г. в области капитальный ремонт прошли 1,9 тыс. тракторов, то в 1944 г. – 2,2 тыс. [48]. Однако качество ремонта по-прежнему оставалось низким. Уже в начале полевых работ часть техники выходила из строя.

На заключительном этапе войны в СССР заводы нефтеперерабатывающей промышленности произвели горючего для сельского хозяйства лишь немногим меньше, чем в довоенные годы. На Урале остроту топливной проблемы снижало и развитие пригородной зоны. В связи с частичным изменением специализации сельского хозяйства нормы расхода горюче-смазочных материалов в МТС были повышены [49].

Важным элементом материально-технической базы сельского хозяйства является электрификация. Она увеличивает производительность земледельческого труда, способствует механизации трудоемких процессов и сокращает потребность в рабочей силе, улучшает условия труда сельских тружеников.

Война задержала развитие сельской электрификации, однако в тыловых районах она продолжалась. В феврале 1945 г. Советское правительство приняло постановление «О развитии сельской электрификации». В нем одобрялась инициатива Горьковской, Пермской, Свердловской, Ярославской обл. и Узбекской ССР по электрификации сельского хозяйства и намечались меры по оказанию помощи деревне в этом деле. В частности, промышленным наркоматам предлагалось увеличить выпуск электромоторов и оборудования для электростанций. Только за 1945 г. электричество было проведено в 2422 колхоза и 679 МТС [50].

Ведущим районом сельской электрификации стала Свердловская обл., где в ряде мест она приняла характер массовых народныхстроек. Для ускорения строительства нередко объединялись несколько колхозов, которые сооружали межколхозные электростанции. В течение последнего года войны на Среднем Урале построили 118 гидростанций и 238 тепловых станций, что позволило электрифицировать сотни сельхозпредприятий. По данным на конец года, 35% колхозов и 63% МТС области получали электроэнергию [51].

Массовый характер сельская электрификация приобрела в Пермской и Челябинской обл., где в 1945 г. были электрифицированы 24 МТС и сотни колхозов [52].

В аграрных областях края – Оренбургской и особенно Курганской – масштабы сельской электрификации были незначительными. В годы войны на Урале заметно возросло число электрифицированных сельхозпредприятий. Если в 1940 г. электроэнергию получали 3% колхозов, 31% МТС и 39% совхозов, то в 1945 г. – соответственно 8, 51, 54%. В хозяйствах Урала появились электронасосные установки, электрифицированные лесопилки, мельницы, станки для заготовки чурки для газогенераторных тракторов. Электродвигатели стали использовать на машинах для очистки зерна, при подготовке кормов и т. п.

Однако если среди государственных сельскохозяйственных предприятий электрифицированные составляли свыше половины, то среди колхозов – менее одной десятой. Электрический свет в колхозах по-прежнему был редкостью, особенно в отдаленных районах. В конце 1945 г. в Оренбургской обл. электроэнергию получали 1% колхозов, а в Курганской обл. – 0,5% [53].

Оценивая в целом проводимую в годы войны сельскую электрификацию, следует отметить, что ее роль для колхозного производства была невелика. По-прежнему большая часть электроэнергии шла на освещение. Построенные электростанции были небольшими и постоянно выходили из строя.

Великая Отечественная война оказала негативное воздействие на деятельность МТС. Техническая оснащенность их ухудшилась. Оставшийся парк машин остро нуждался в запасных частях, горючем, смазочных материалах и работал на износ. Перестройка ремонтной и топливной

базы МТС позволяла сохранять технику в работоспособном состоянии, но не могла полностью удовлетворить потребности сельского хозяйства.

В условиях военного времени заметно ухудшилось хозяйственное положение уральских колхозов, хотя они и находились в глубоком тылу. Правда, их денежные доходы возросли, в основном за счет реализации части продукции на колхозном рынке. Это видно из данных годовых отчетов колхозов Челябинской области. Если в 1940 г. их годовой денежный доход составлял 89,7 млн руб., то в 1942 г. – 106,4, в 1943-м – 122,5, в 1944-м – 122,6. Некоторые хозяйства стали миллионерами. В 1943 г. в Свердловской обл. насчитывалось 14, а в 1944 г. – 15 колхозов, годовой денежный доход которых превысил миллион рублей [54]. Большинство таких хозяйств были многоотраслевыми, что расширяло источники доходов и позволяло обеспечить занятость рабочей силы на протяжении всего года.

Распределяя денежные доходы, колхозы часть средств направляли на пополнение неделимых фондов. Размеры неделимых фондов являются важным показателем состояния материально-технической базы колхозов, экономики хозяйств в целом. Пополнение неделимых фондов происходило за счет денежных средств колхозов. Примерный устав сельхозартели рекомендовал отчислять в неделимый фонд от 10, но не более 20% денежных средств [55].

На пополнение неделимых фондов колхозы стали отчислять гораздо больше средств, чем до войны. Если в 1940 г. колхозы Челябинской обл. направили на эти цели 13,4 млн руб., то в 1942 г. – 15,3, в 1943 г. – 17,2; колхозы Свердловской обл. – соответственно 19,8; 36,2; 35,6 млн руб. ОПФ колхозов заметно возросли.

Рост неделимых фондов и их основной части – основных производственных фондов – ведет (особенно в условиях сокращения среднегодовой численности работников) к росту фондовооруженности труда. Это обеспечивает повышение производительности труда и рентабельности производства, снижение себестоимости продукции и повышение ее качества. Растет и фондоотдача.

Однако многочисленные и достоверные источники неоспоримо доказывают обратное. В колхозах снижалась производительность труда, уменьшалось количество и ухудшалось качество производимой продукции. Одновременно в колхозах ухудшалось использование основных производственных фондов, снизилась фондоотдача. Если в 1941 г. колхозы Свердловской обл. в расчете на рубль основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения произвели продукции сельского хозяйства на сумму, равную 0,56 руб., то в 1945 г. – на 0,31 руб. Это означало снижение фондоотдачи на 41% [56].

Главной причиной возникшего несоответствия между размерами ОПФ в колхозах и объемом получаемой продукции был рост амортизации. Как известно, в процессе воспроизводства часть средств производства претерпевает стоимостный износ и становится непригодной для работы. В условиях войны из-за отсутствия строительных материалов, нехватки запасных частей, ухудшения качества горючего, снижения квалификации кадров произошло ускорение износа основных средств. Этому способствовало усиление эксплуатации техники и оставшихся сельскохозяйственных орудий. В результате увеличился разрыв между нормативными амортизационными сроками службы основных производственных фондов и средним фактическим сроком их службы.

Представляется, что содержащиеся в годовых отчетах колхозов и МТС данные о размерах их неделимых фондов в стоимостном выражении имеют существенный недостаток. Как известно, балансовая стоимость основных средств в колхозах не уменьшается до полного их износа и часть изношенных средств труда по-прежнему остается на балансе хозяйств, хотя эффективно использовать их было уже нельзя. Поэтому балансовая стоимость основных средств не отражает состояния их материально-вещественных элементов, т. е. не соответствует их фактической стоимости.

Ослабление экономики колхозов в условиях роста стоимости их основных производственных фондов во многом объяснялось и нарушениями Устава сельскохозяйственной артели. В колхозах страны, в том числе и на Урале, нарушения Устава заключались в расхищении общественных земель колхозов, растаскивании инвентаря, скота, имущества. При этом разбазаренное колхозное добро по-прежнему оставалось на балансе хозяйств.

Расхищалось не только колхозное имущество, но и денежные средства. В Аргаяшском районе Челябинской обл. имели место незаконные сборы райисполкомом денежных средств с колхозов на сумму 46,7 тыс. руб. [57].

Отрицательно сказывалась на финансовом положении колхозов деятельность сельскохозяйственного банка. В постановлении Совета Министров СССР от 2 августа 1947 г. «О грубых извращениях в работе сельскохозяйственного банка» отмечалось, что многие его отделения необоснованно отказывали колхозам в выдаче средств со счетов неделимых фондов [58]. Тем самым на-

рушалось право колхозов временно заимствовать средства неделимых фондов на хозяйственные нужды, не связанные с капиталовложениями (покупку семян, фуража и т. д.).

В учреждениях сельхозбанка имела место практика списания средств со счетов неделимых фондов колхозов в уплату взносов по личной подписке колхозников на государственные займы, а в отдельных случаях и для погашения средствами одних колхозов задолженности других по ссудам сельхозбанка. Колхозы, сталкиваясь с невозможностью своевременно получить свои деньги со счетов неделимых фондов, уклонялись от сдачи свободных денег на хранение в сельхозбанк.

Воспроизводство выбывших ОПФ происходило за счет капитальных вложений колхозов путем строительства, приобретения новых орудий труда, капитального ремонта и т. д. Размеры выделяемых на эти цели средств зависели от величины денежных доходов колхозов. В годы войны в связи с ростом денежных доходов размеры капитальных вложений заметно возросли. В Свердловской обл. капиталовложения колхозов увеличились с 62,3 млн руб. в 1940 г. до 192,6 млн в 1944 г., в Челябинской обл. – с 41,2 до 100,8 млн руб. [59].

Однако, несмотря на рост капитальных вложений, в стране произошло замедление, а затем и прекращение обновления основных производственных фондов колхозов. В условиях жесткого фондового распределения материальных ресурсов колхозы не могли приобрести нужные предметы хозяйственного назначения (сбрую, гвозди, деготь, проволоку, лес и т. д.) и освоить выделенные средства.

Не могло помочь колхозам и государство. В 1943 г. потребность колхозов СССР в поступающих через Наркомзем материалах была удовлетворена: в лесе – на 10, гвоздях – на 8,2, проволоке – на 9,7% [60].

Состояние колхозной экономики характеризуют не только размеры, но и структура основных производственных фондов. Она отражает тот факт, что колхозы обслуживались МТС. В «руках» МТС находилась вся основная техника по механизации производственных процессов. Поэтому удельный вес тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий в структуре ОПФ колхозов был невелик. Во время войны их удельный вес еще больше снизился, поскольку обеспеченность артелей конно-ручными орудиями труда ухудшилась. На протяжении 1941 г. по отношению к 1940 г. она составила: по зерновым сеялкам – 91, луцильникам – 82, сенокосилкам – 95, жаткам – 94% и т. д. [61]. Уменьшение активной части ОПФ вело к снижению производительности труда.

Во всяком производственном процессе кроме орудий необходимы и средства труда. К ним относятся производственные здания и сооружения, дороги, мосты и др. В процессе производства они функционируют на протяжении длительного времени [62]. В рассматриваемые годы они быстрее приходили в ветхость, но продолжали числиться на балансе хозяйств. С учетом нового строительства удельный вес зданий и сооружений в структуре основных фондов колхозов неуклонно возрастал, но эффективность их использования оставалась практически на прежнем уровне.

Сравнительно низким в структуре основных фондов колхозов был удельный вес продуктивного скота. Это объясняется тем, что он оценивался по низким заготовительным ценам. Эти цены не учитывали всех общественно необходимых затрат труда, вкладываемых в выращивание скота. Поэтому общая стоимость неделимых фондов колхозов и удельный вес стоимости продуктивного и рабочего скота в них были занижены. Все это не позволяет с необходимой точностью характеризовать неделимые фонды колхозов, однако основная тенденция их развития очевидна.

Таким образом, рост денежных доходов и возрастание размеров ОПФ не отражали действительного положения экономики колхозов, состояния их материально-технической базы. Сокращение деятельности МТС поставило многие хозяйства на грань кризиса. Для его предотвращения предпринимались энергичные меры, однако лишь улучшение материально-технического снабжения в конце войны позволило несколько стабилизировать положение в сельском хозяйстве.

Литература

1. Колхозная производственная энциклопедия. Т. 1. – Киев, 1949. – С. 421; Справочник председателя колхоза. – М., 1941. – С. 81–83.
2. Правда. – 1939. – 14 янв.
3. История советского крестьянства. Т. 3. – М., 1987. – С. 57.
4. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). – М., 1976. – С. 36.
5. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 2. Д. 359. Л. 2; ГАПК. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 3874. Л. 33.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 212. Л. 11, 18.
7. ГАОО. Ф. 846. Оп. 3. Д. 26. Л. 3; ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 3. Д. 39. Л. 11.
8. Вылцан М.А. Указ. соч. – С. 17.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 212. Л. 11–18.

10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 7. – М., 1985. – С. 233–237.
11. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. Кн. 1. – М., 1967. – С. 332.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 679. Л. 28, 41; ГАКО. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.
13. Венжер В.Г. Основные вопросы производственной деятельности МТС. – М., 1949. – С. 60.
14. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3083. Л. 88; ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 4. Д. 265. Л. 35.
15. Социалистическое сельское хозяйство. – 1945. – № 10. – С. 7.
16. ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 4. Д. 257. Л. 9; Д. 265. Л. 30.
17. Неделимые фонды колхозов. М., 1960. – С. 197.
18. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3083. Л. 88; ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 3. Д. 80. Л. 3; Ф. 1379. Оп. 4. Д. 265. Л. 381.
19. ГАОО. Ф. 1003. Оп. 2. Д. 359. Л. 9; Ф. 1081. Оп. 3. Д. 284. Л. 3; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5286. Л. 194; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 15.
20. ГАПК. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1090. Л. 26.
21. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. – М., 1970. – С. 153; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 678. Л. 27, 75.
22. Экономическая жизнь СССР. Кн. 1. – С. 343.
23. ОГАЧО. Ф. 1378. Оп. 4. Д. 265. Л. 35.
24. Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. – Челябинск, 1945. – С. 35.
25. О проведении весеннего сева 1943 года: Сборник основных решений Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б). – Свердловск, 1943. – С. 29.
26. АМСХЧО. Оп. 4. Св. 13. Д. 74. Л. 43.
27. КПСС в резолюциях... Т. 7. – С. 482–484.
28. Партийное строительство. – 1942. – № 6. – С. 43; Урал. рабочий. – 1942. – 15 февр.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 20. Л. 11.
29. Венжер В.Г. Указ. соч. – С. 115; ГАКО. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 36. Л. 45; ГАОО. Ф. 1081. Оп. 2. Д. 35. Л. 15; Оп. 3. Д. 281. Л. 12; ГАПК. Ф. 493. Оп. 3. Д. 148. Л. 107; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 59; ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 4. Д. 265. Л. 30.
30. АМСХЧО. Оп. 4. Св. 17. Д. 74. Л. 43; ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1512. Л. 118.
31. Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. – С. 37–39.
32. ГАКО. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 265. Л. 5; ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1616. Л. 9–11.
33. РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 1. Д. 831. Л. 17–20; ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1616. Л. 9–11, 334.
34. МТС. – 1942. – № 6–7. – С. 55.
35. Там же. – С. 56; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 839. Л. 42.
36. Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. – С. 46–48; МТС. – 1942. – № 2–3. – С. 36–39.
37. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 75; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 338. Л. 5.
38. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3085. Л. 11; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1018. Л. 1; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 898. Л. 75.
39. Венжер В.Г. Указ. соч. – С. 68; ГАСО. Ф. 241. Оп. 4. Д. 644. Л. 22; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 998. Л. 40.
40. МТС. – 1943. – № 4. – С. 18; № 8–9. – С. 41; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5-112. Л. 330. В Свердловской области скипидар в качестве топлива использовала и Городищенская МТС.
41. Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. – С. 81–82.
42. ПГАНИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 448. Л. 34; ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 825. Л. 16; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1752. Л. 13.
43. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М., 1977. – С. 59.
44. КПСС в резолюциях... Т. 7. – С. 382.
45. Теряева А.П. Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. – М., 1947. – С. 122; Чкаловская коммуна. – 1942. – 27 мая.
46. История советского крестьянства. Т. 3. – С. 201.
47. Слово о Мотовилихе. – Пермь, 1974. – С. 553–554.
48. Социалистическое сельское хозяйство. – 1945. – № 11–12. – С. 23; ГАКО. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 32. Л. 16; Д. 36. Л. 33; ГАПК. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 303. Л. 16.
49. Урал. рабочий. – 1944. – 4 янв.
50. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1929–1945 годы. Сб. док. Т. 2. – М., 1957. – С. 856–860; Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. – М., 1960. – С. 44.

51. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 4401. Л. 47, 56; Д. 4402. Л. 53, 64; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1435. Л. 363.
52. МТС. – 1946. – № 4–5. – С. 5; ПГАНИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 549. Л. 1.
53. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 4401. Л. 47, 56; Д. 4402. Л. 7, 53, 64.
54. АФСГСЧО. Оп. 18. Св. 133. Д. 1011. Л. 158; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 5–6; Д. 893. Л. 5–6.
55. Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый Вторым Всесоюзным Съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом Народных Комиссаров СССР и Центральным Комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935 года. – Челябинск. 1947. – С. 16–17.
56. АМСХЧО. Оп. 18. Св. 133. Д. 1011. Л. 158; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1207. Л. 17.
57. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 1719. Л. 136.
58. Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. – М., 1948. – С. 282–283.
59. АМСХЧО. Оп. 18. Св. 133. Д. 1011. Л. 158; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1207. Л. 17.
60. Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. – Барнаул, 1966. – С. 117.
61. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 640. Л. 39, 40, 46–47, 58, 99.
62. Срок службы деревянных коровников, телятников, свинарников и других животноводческих помещений составлял 15–20 лет, картофелехранилищ, теплиц – 15 лет. – **Прим. авт.**

Список сокращений

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
РГАЭ – Российский государственный архив экономики.
ГАКО – Государственный архив Курганской области.
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
ГАПК – Государственный архив Пермского края.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области.
ПГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории.
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.
АМСХЧО – Архив Министерства сельского хозяйства Челябинской области.
АФСГСЧО – Архив Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области.

УДК 619: 618: 619.2: 615.2

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОСНАЩЕНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА И ЛИЗИНГ

К.Д. Пирмагомедова, асп., Уральская ГСХА;
В.М. Шарапова, д. э. н., проф.; Уральская ГСХА

Аннотация

В статье освещаются особенности технического перевооружения предприятий агропромышленного комплекса современным и качественным оборудованием с финансовой поддержкой государства и лизинговых инвестиций. Рассматриваются два вида лизинга: возвратный и оперативный.

Ключевые слова: возвратный лизинг, оперативный лизинг.

Keywords: return leasing, operating leasing.

Мировой кризис оказал не только отрицательное воздействие на развитие агропромышленного комплекса, предприятий сельхозпереработки и пищевой промышленности, но и одновременно открыл новые возможности. Поставки зарубежной аграрной продукции в страну сократились более чем на четверть. Освободилась рыночная ниша примерно в 36 млрд долл. [1].